

*Е. И. Селиверстова, Чэнь Вэйцзя***ЭТНОМАРКИРОВАННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ЛЖИ
В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ***Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Ложь является одним из ключевых концептов русской культуры и нуждается в изучении как элемент системы нравственных измерений жизни и поступков человека, получающих оценку говорящих – чаще негативную. В предлагаемом исследовании, посвященном выявлению специфики этномаркированных представлений, используется метод лингвокультурологического анализа русских паремий на фоне китайских в параметрах пользы и вреда, что позволяет увидеть различия и совпадения в стереотипных представлениях о лжи и способах их вербализации в пословицах. Результаты проведенной работы показывают, что ложь влечет за собой определенные последствия, которые сказываются как на самом лгуне, так и на других людях, имеет ряд разновидностей и служит различным целям: очернению, восхвалению, оправданию и т. д. Исследование может быть продолжено в направлении изучения способов вербализации в пословицах утилитарной оценки иных проявлений природы и аспектов деятельности человека.

Ключевые слова: *ложь, польза, вред, пословица, русский и китайский языки, стереотипные представления.*

*E. I. Seliverstova, Chen Weijia***ETHNICALLY MARKED REPRESENTATIONS ABOUT THE BENEFITS
AND HARMS OF LIE IN RUSSIAN AND CHINESE PROVERBS***Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

Abstract. A lie is one of the key concepts of Russian culture and needs to be studied as an element of the system of moral dimensions of life and actions of a person, which is often treated as negative. The article aimed at identifying the specificity of ethno-tagged representations employs the method of linguoculturological analysis of the Russian paremiae against the Chinese ones in terms of benefits and harms. This makes it possible to see the differences and coincidences in stereotypical ideas about lies and the ways of their verbalization in proverbs. The research results show that a lie entails certain consequences that affect both the liar and other people, it has a number of varieties and serves various purposes: slander, praise, justification, etc. The research can be continued by studying the proverbial ways of verbalizing the utilitarian assessment of other manifestations of human nature and aspects of his activity.

Keywords: *lie, benefit, harm, proverb, Russian and Chinese languages, stereotypes.*

Актуальность исследуемой проблемы. Практически любое действие человека может рассматриваться как имеющее позитивный или негативный результат (и даже целый ряд последствий), что проявляется в связях между самыми разными причинами и вытекающими следствиями, вербализованными в пословицах. Необходимость изучения отражения данных связей в паремиологических единицах (далее – ПЕ) и обуславливает актуальность нашего исследования. Согласно пословицам сон, например, способствует выздоровлению больного, снятию усталости (*Ляг да усни; встань да будь здоров! Сон дороже лекаря; Выспишься – помолодеешь*). С другой стороны, в паремиях говорится о вреде долгого сна (*Ранняя птичка носок прочищает, а поздняя глаза протирает; Кто поздно встает, у того хлеба не стаёт*), о бесполезности траты времени на сон (*Много*

спать – мало жить: что проспано, то прожито; Кто долго спит, тому денег не скопить) и т. д. Через вербализацию причинно-следственных связей в ПЕ указывается на рекомендуемый или порицаемый образ жизни, тип поведения и характер поступков человека – это касается самых разных жизненных сфер.

Противоречивы представления о работе, о трудовой деятельности, приносящей человеку признание и почет, пропитание, доход, крепкий сон (*Шевелись, работай – ночь будет короче; Хочешь есть калачи, так не сиди на печи; Проленишься – и хлеба лишишься*) и т. п., но, с другой стороны, в ПЕ *От работы кони дохнут; От работы не богатеют, а горбатеют* и ряда других отражаются представления о возможных негативных последствиях труда – в частности, об ущербе здоровью.

Оцениваться в терминах полезного, т. е. нужного, желательного, и вредного могут как предметы и явления, не зависящие от воли человека – природно-погодные явления и стихийные бедствия, хищные животные и проч. (ср.: *мороз, гроза, напасть, пожар; волк, медведь* и др.), так и действия человека, понимаемые в самом широком смысле. В паремиях указывается на благо своевременного (уместного) молчания (*Промолчи – за умного сойдешь*), снисходительного отношения к другим (*Не бей в чужие ворота плетью, не ударили б в твои дубиной*), уважительного отношения к старшим (*Молодой – на службу, старый – на совет; Седина в бороду – ум в голову; Старый полковник старше молодого генерала; Старого воробья на мякине не проведешь*) и др.

Многочисленны и ПЕ, в которых – во избежание возможного вреда, ущерба – высказывается совет воздерживаться от какого-либо поведения или поступка: избегать поспешности (*Не спеши, коза, все волки твои будут; Поспешишь – людей насмешишь; Прытко бегают, так часто падают*), обжорства, торопливости в еде (*Ешь, кума, девятую шанежку, я ведь не считаю; Жрет, что за себя кладет; В работе отстаем, а за едой обгоняем*), не посягать на чужое добро (*На чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай, да свой затевай; В чужой прудок не кидай неводок*), не чинить другому неприятностей (*На людей заказчик, на себя потворищик; Всякую болячку к себе применяй; Злое зелье не уйдет в землю; Искал мужик ножа, да напоролся на ежа*) и не смеяться над ними (*Чужому горю хорошо смеяться; посмейся своему; Не смейся чужой беде – своя на гряде*) и т. д.

Материал и методика исследований. К анализу лексической и фразеологической (паремиологической) семантики «польза» и «вред» и к массивам устойчивых единиц, выражающих этот смысл, исследователи обращаются в своих работах неслучайно. Концепт «Вред» видится Т. С. Глушковой весьма сложным и многоаспектным, представленным широким кругом вербализаторов. В отношении концепта «Польза», рассмотренного на примере текстов рекламного дискурса, исследователь отмечает, что представления о пользе связаны преимущественно с употреблением тех или иных продуктов питания [4, с. 45].

О лексико-семантическом поле «Вред» в русском литературном языке пишут в своей работе Л. П. Дронова и Яньчунь Лю, анализирующие процессы формирования понятийной структуры отрицательной утилитарной оценки и выявляющие характер мотивационных отношений единиц поля. Это позволило исследователям определить, какие понятия исторически повлияли на нынешнее состояние данной понятийной структуры [8, с. 205].

Рассматривая в своем диссертационном исследовании лексико-семантическое поле, стоящее за ключевыми лексемами *польза* и *вред*, И. В. Хорошунова обращается последовательно к отдельным единицам поля, осуществляя анализ их толкований и семантической структуры и сопоставляя современные и исторические данные о них, выстраивает в конечном итоге модель поля с соответствующими ядерной и периферийной зонами, репрезентируемыми определенным набором лексических единиц [18, с. 37].

Проведенный нами опрос носителей русского и китайского языка относительно стереотипных представлений о пользе и вреде (см. [19]), присутствующих в их языковом сознании, показал, что одно из важных мест занимает в этой системе восприятие русски-

ми и китайцами в качестве серьезнейшего фактора лжи, способной причинить человеку осязаемое зло¹.

Свидетельством важности концепта «ложь» – одного из ключевых концептов, активно вербализуемых в целом в русском языке, является как номенклатура единиц, составляющих лексико-семантическое поле «правда»/«неправда» (ср.: *правда, истина, ложь, враки, брехня* и т. д.; ряд идеографических и стилистических синонимов с близким значением весьма значителен), так и массив устойчивых единиц с семантикой лжи (см. об этом в работах М. И. Агиенко [1], Л. К. Байрамовой [2], Н. Н. Панченко [13] и др.).

В. О. Радищева, обращаясь к изучению концепта «Ложь», отраженного в немецком языке, отмечает его многослойность и многоаспектность. Для носителей немецкого языка ложь представляется «масштабным феноменом», имеющим сложную когнитивную структуру [14, с. 139].

О способах вербализации концептов «Истина», «Правда», «Ложь» в русском и английском языках пишет в своей работе Н. А. Земскова, видя в них «особый предмет рефлексии и эмоций» и анализируя «истинность» и «ложность» в аспекте прагматики и специфики текстовой актуализации. По ее мнению, концепт «Ложь» отражает «сложную систему духовно-нравственного и морально-этического измерений языковой картины мира и внутренней, духовной жизни личности» [9, с. 370].

Выявление различий и сходства в отражении представлений о лжи, обмане, вранье в языковом сознании русских и китайцев составляет цель исследования А. В. Яськовой и Чжао Хао. Они отмечают отдельные признаки, в которых проявляется национально-культурная специфика в восприятии и оценке лжи и ее разновидностей [20, с. 163].

Е. И. Зиновьева и Пи Цзянкунь рассмотрели стереотипные представления, связанные с *ложью, неправдой и кривдой*, в русском паремиологическом пространстве. Авторы считают, что «в русских паремиях ложь сопоставляется с клеветой, обманом, иной раз она может оказаться предпочтительнее правды; правда и ложь взаимообусловлены. А китайские паремии более категоричны» [10, с. 99].

В данной работе мы сосредоточим свое внимание на пословицах, в которых под самым разным углом зрения вербализуется семантика «ложь». Указание на наличие лжи в жизни человека дается в контексте различных областей его деятельности. При этом важным оказывается прагматический аспект лжи: осязаемая от нее польза или наносимый ею вред.

Нами рассматриваются паремии, почерпнутые из словарей русских и китайских ПЕ ([3], [6], [16]), отражающие стереотипные представления носителей русского и китайского языков о лжи.

В результате наблюдения мы рассчитываем увидеть представления о пользе или вреде, являющихся следствием намеренной или допущенной (случайной) лжи. Привлечение материала двух языков – русского и китайского языка – оправдано поддерживаемым многими учеными мнением о том, что лингвокультурологический подход позволяет сопоставить национально-маркированные представления для выявления специфики в видении определенного фрагмента языковой картины мира (см. [11]). Подобные исследования проводятся на материале русского и китайского языков в работах Е. И. Зиновьевой и Пи Цзянкуня [10], Ма Сянфэй [12], русского и французского – М. В. Домбровской [7] и др.

Результаты исследований и их обсуждение. В результате анализа значительного массива пословиц о лжи (64 единицы русского языка и 53 – китайского языка) были всего

¹ Согласно полученным данным на ложь в качестве фактора, способного нанести ущерб другому и даже сработать против самого лгущего, указывают более 79% русских респондентов и 83 % опрошенных китайцев.

выделены 4 основных разряда ПЕ: с точки зрения наличия в отражаемых стереотипных представлениях указания на связь между ложью и следствием ее в виде пользы или вреда.

Первый разряд, единицы которого не представляют для нас интереса в рамках данной статьи, – это выражения о лжи, в которых указание на связь неправды, вранья и проч. и причиняемого ими вреда или приносимой пользы отсутствует.

Второй разряд объединяет единицы, в которых прямо указывается на вред лжи, вербализуемой в паремиях разными словами-компонентами.

В русской ПЕ *Лжа (ложь)*, что ржа: *тлит* ложь уподобляется ржавчине, которая способна привести что-либо в негодность; ср. в словаре В. И. Даля: *тлеть, тлевать* – ‘гнить, разрушаться гниением, созревать, перегнивать’, *тлить* – ‘подвергать гниению, губить, уничтожать’ [5, т. 4, с. 408]. Таким образом, ложь, по пословице, губит человека, что можно трактовать как вред в отношении самого лгущего, так и причинение вреда тому, о ком говорится неправда. Укажем также на мотив *гнилого* в ПЕ: *Что лживо, то и гнило*, где *гнило* выступает как эталон грязного, вонючего и – в переносном значении – гадкого, неприемлемого, вызывающего чувство брезгливости.

Слово *клевета* означает ‘ложное обвинение; заведомо ложный слух, позорящий кого-л., а также распространение таких слухов’ [15, т. 2, с. 56], а *напраслина* – ‘несправедливое, напрасное обвинение; клевета, наговор’ [15, т. 2, с. 383]. Не имеющее под собой оснований обвинение человека может привести к самым неприятным последствиям и даже к его гибели – физической, но скорее – моральной: *И в напраслине, что в деле, люди погибают*.

Негативная информация о ком-либо надолго остается в памяти, так что даже по выяснении несправедливости, ложности сказанного объект обвинения остается «запачканным»: *Клевета что уголь: не обожжет, так замазает*. Близким к этому является выражение *Напраслина отрыгается* (т. е. отзывается), которое, однако, может также восприниматься и как намек на то, что говорящему неправду о других могут припомнить этот факт и не слишком ему доверять в будущем.

Семантически связанной с приведенными выше выражениями является и ПЕ *Напрасливый чужой век заедает* (*напрасливый* – ‘говорящий напраслину, клеветущий’ [5, т. 2, с. 454]), где входящее в ее состав выражение *заедать чужой век* является носителем обобщенной семантики вреда: прост. предосуд. ‘Притеснять кого-л., создавать невыносимо тяжелые условия жизни’ [17, с. 476].

Увлеченное вранье и высокая степень несоответствия содержания речи реальному положению вещей вызывает у слушающих неприятие, которое метафорически передается в устойчивых выражениях через образ страдающих от этого ушей и глаз: *Так врет, что уши вянут (что в глазах зеленил)*, хотя здесь акцентируется скорее всего не физическое, а психическое состояние человека (ср.: у кого-л. *в глазах потемнело*). Ср. также выражение об увлекателем лгуне: *Так врет, что ни себе, ни людям передышки не дает*.

Ложь, вранье может причинить вред и самому лгуну. Метафорически эта идея передана в ПЕ *Вранье, что дранье* (т. е. драный тес), *того гляди, руку занозишь*, лишенной конкретики в части указания на характер вреда. Для любителя приврать неверие (недоверие) слушающих является закономерным следствием, хотя, вероятно, не самым для него приятным: *Напраслив, да несчастлив* (т. е. ‘никто не верит’) [5, т. 2, с. 454].

Об отсутствии доверия раз совравшему либо любителю вообще приврать говорят и следующие паремии: *Солжешь сегодня, не поверят и завтра; Кто вчера солгал, тому и завтра не поверят; Вчера солгал, а сегодня лгуном обзывают*. Утратить доверие можно и на всю оставшуюся жизнь, что акцентируется в паремиях компонентами *вперед* и *на век*: *Раз солгал, а на век лгуном стал; Со вранья не мрут, да вперед веры неймут*. Как видим, вранье совсем не безобидно и для лгуна. На порицание и возможность наказания лгуна намекают следующие ПЕ: *Кто врет, того бы под гнет; Кто врет, тому бы бобра в рот* и пожелание *Врать бы тебе на свою голову*.

Вранье, как мы видим, в ПЕ *Вранье не споро: попутает скоро* способно запутать кого-либо (возможно, и сам врущий способен запутаться) и ассоциируется с невольным совершением греха, поскольку соврать иной раз приятно (ср. фразеологической единицей *бес попутал* кого-л.; *попутать* – ‘соблазнить’ [5, т. 3, с. 308]).

В китайской паремике также прямо указывается на перспективу в результате однократного вранья прослыть лгуном и тем самым испортить себе будущее: *骗人一次，害己一生* (букв. *Обмани людей один раз, навреди себе на всю жизнь*).

В выражении *骗言之害，胜过暗箭* (*От удара из-за угла уберечься трудно, а от вреда лжи ещё труднее*) речь идет об ущербе, который потерпит в результате лжи другой человек.

Утаивание правды, как свидетельствуют китайские ПЕ, чревато и другими серьезными последствиями. Специфичны паремии, освещающие отношения больного и доктора, которому обычно рассказывают не только о симптомах, но и о причинах болезненного состояния. Если же больной пытается ввести доктора в заблуждение, это приводит к неприятностям: *瞒病者必死* (букв. *Обязательно умрут те, кто скрывает свою болезнь*); *骗了郎中，眼泡鼻肿* (*Кто доктора обманет, у того глаза и нос опухнут*) – угроза, возможно, шуточная, но свидетельствующая о неприятии вранья.

Нечестность в выполнении своих гражданских обязанностей – *瞒关漏税，拿着问罪* (букв. *Уклонение от уплаты налогов – преступление*) – рассматривается китайцами как серьезнейшее правонарушение.

Сводные данные по этому разряду приведены в таблице 1.

Таблица 1

Стереотипные представления о причинении ложью вреда

Представление	Русские ПЕ	Китайские ПЕ
Однократное вранье ведет к испорченной навсегда репутации	<i>Со вранья не мрут, да вперед веры неймут; Кто вчера солгал, тому и завтра не поверят</i>	<i>Обмани людей раз, навреди себе на всю жизнь</i>
Опровергнутая (недоказанная) ложь способна запачкать	<i>Клевета что уголь: не обожжет, так замарает</i>	–
Ложь губит (других)	<i>Ложь, что ржа: тлит; И в напраслине, что в деле, люди погибают; Напрасливый чужой век заедает</i>	<i>От удара из-за угла уберечься трудно, а от вреда лжи ещё труднее</i>
Возможность наказания лгуна	<i>Кто врет, тому бы бобра в рот; Кто врет, того бы под гнет.</i>	<i>Обязательно умрут те, кто скрывает свою болезнь; Кто доктора обманет, у того глаза и нос опухнут</i>
Очевидная ложь вызывает неприятие; утомляет слушающих	<i>Так врет, что уши вянут (что в глазах зелени); Так врет, что ни себе, ни людям передышки не дает</i>	–
Ложь вредит (не приносит пользы) лгушему	<i>Напраслина отпрыгается; Вранье, что дранье, того гляди, руку занозишь; Напраслив, да несчастлив</i>	–
Лгун рано или поздно запутается	<i>Вранье не споро: попутает скоро</i>	–
Ложь – преступление	–	<i>Уклонение от уплаты налогов – преступление</i>

Третий разряд составляют единицы, в которых указание на вред лжи осуществляется косвенным образом. Так, в выражении *Вранье не введет в добро* негативное влияние лжи осознается говорящими через словосочетание *не введет в добро*, семантизирующее в обобщенном виде отрицание возможного позитивного следствия. Ср. также ПЕ *На людей налыгать – не себя очищать*, где *налыгать* – ‘наварить, наговаривать

ложь, наклеветать' [5, т. 2, с. 436]. Словосочетание *не себя очищать* ('не себя чернить, порочить') косвенно указывает на вред, причиняемый самому лгущему.

Выражение *У лжи короткие ноги* говорит о том, что правда быстро станет явной, но эту ПЕ можно понимать и таким образом: «вред, наносимый ложью, недолговечен».

В ПЕ *На поклёп денег (божбы) не наготовишься (не напасешься)* содержится косвенный намек на то, что попытка оправдания может дорого обойтись необоснованно обвиненному и не дать при этом желанного результата, что можно, в свою очередь, рассматривать как негативное следствие.

Ложь оказывается во вред человеку, если солгавшего уличили во вранье, что доказывается пословицей *Не лазил козел в городьбу, а шерсти клоч покинул*, т. е., отказываясь от обвинений в чем-либо, не следует оставлять следов. Близки к приведенной паремии *Никто не курил, не кадил, а ладаном запахло; Хмельного в рот не берет, а на своих ногах шатается*. Интересны в этом плане шуточные диалоги, демонстрирующие выявление лгуна: – *Кто съел пирог?* – *Не я.* – *А кому дать еще?* – *Мне.* – *Батька, ты пирог съел?* – *Ей-богу, не я.* – *А хочешь еще?* – *Хочу.*

Китайские паремии *谎话的船开不远* (букв. *Лодка лжи не может далеко плыть*) и *谎言短, 走不远* (*У лжи короткие ноги, она не может идти далеко*) близки: они указывают на непродолжительность существования надуманных, ложных сведений, и, следовательно, эта «неправда» вряд ли может очень навредить. Паремия *骗人上屋, 底下抽梯* (букв. *Поднимается на крышу лжец, убирают стремянку внизу*) говорит, вероятно, о том, что лгущий, возвышающий себя, рискует потерять почву под ногами, утратить высокое положение и авторитет, т. е. нанести вред самому себе.

ПЕ *谎话开了头, 一发不可收* (букв. *Есть начнет лгать, то его уже не остановить*) можно трактовать как характеристику завравшегося человека, который постепенно теряет доверие, поскольку правды и честности от него ждать уже не приходится: он неисправим. В китайской пословице *骗来的娃娃养不大* (*Похищенный ребенок долго не живет*) использована метафора *похищенный ребенок*, реализующая в данном тексте семантику 'лжи'. Систематизируем представленные данные в виде таблицы 2.

Таблица 2

Способы косвенного выражения указания на вред

Представление	Русские ПЕ	Китайские ПЕ
Ложь недолговечна	<i>У лжи короткие ноги</i>	букв. <i>Лодка лжи не может далеко плыть; У лжи короткие ноги, она не может идти далеко; Похищенный ребенок долго не живет</i>
Ложь не ведет к добру	<i>Вранье не введет в добро; На людей налыгать – не себя очищать</i>	–
Ложь приводит к убыткам	<i>На поклёп денег не напасешься</i>	–
Ложь не скроешь (но репутация подпорчена)	<i>Не лазил козел в городьбу, а шерсти клоч покинул; Никто не курил, не кадил, а ладаном запахло</i>	–
Лгун неисправим; утрата доверия	–	<i>Поднимается на крышу лжец, убирают стремянку внизу; Если начнет лгать, то его уже не остановить</i>

Четвёртый разряд составляют единицы, в которых указывается на пользу лжи. Она признается допустимой в сфере торговли – это следствие традиции показывать при продаже исключительно позитивные стороны товара (*Не солгать, так и не продать; Не подкрасив товару, не продашь*), нахваливать его: *Нам товару не хвалить, так и не*

свалить; Без божбы не продашь. Ложь способствует приобретению неких благ: *Не соврешь, и зобу не набьешь*. По свидетельству ПЕ, не вредит репутация лгуна и богачу: *Богатый, хоть врет, и то впрок идет* – вряд ли он может от этого пострадать.

Мысль о том, что ложь способна уберечь от страданий, которые может доставить горькая правда, порождает выражение *Умная ложь лучше глупой правды; Сладкая ложь лучше горькой правды*. А ПЕ *Не будь лжи, не стало б и правды* позволяет судить о лжи как позитивной: она служит фоном, на котором особенно очевидна и ценима правда: *Не солгать, так и правды не сказать*.

Резюме. Семантика лжи реализуется в русских паремиях за счет использования компонентов *напраслина, враки, клевета, лжа, поклеп* и др., окрашенных в русском языке отрицательно, что позволяет говорить о наведении негативной семантики и намеке на причинение вреда даже там, где сама паремийная идея не связывает напрямую ложь и вред.

На фоне общего массива единиц, отражающих самые разные аспекты восприятия лжи (ср., например, идею «Врать легко») русскими и китайцами, блок ПЕ, реализующих стереотипные представления о последствиях лжи в виде вреда или пользы, сравнительно невелик.

Среди ПЕ обоих языков преобладают единицы, сопряженные с негативной оценкой лжи и представлением о наносимом ею вреде (в 95% русских и 93% китайских). При этом вред может быть обращен как на самого лгуна, так и на других людей и представлен при этом в виде некоторого спектра последствий: финансовых затрат, возмездия, потери уважения, доверия и авторитета и т. д.

Китайские паремии отмечены большей метафоричностью (*лодка лжи, похищенный ребенок, сокрытие болезни* и т. д.) и завуалированностью оценок, что отражает специфику китайской паремиологии в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агиенко М. И. Структура концептов «правда», «истина», «truth» в сопоставительном аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Екатеринбург, 2005. – 220 с.
2. Байрамова Л. К. Аксиологическая фразеологическая диада «правда» – «ложь»: культурологический аспект // Филология и культура. – 2016. – № 2(44). – С. 18–24.
3. Большой словарь китайских пословиц (中国成语大全) / под общ. ред. Вэнь Дуаньчжэн (温端正). – Шанхай : Изд-во Цишу (上海辞书出版社), 2013. – 1371 с.
4. Глушкова Т. С. Концепт *вред* в русском языке и особенности рекламного дискурса // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитарных исследований. Языкознание. – 2013. – № 2. – С. 43–47.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009.
6. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. – М. : Художественная литература, 1984.
7. Домбровская М. В. Концепт «дождь» как компонент национальной картины мира (на материале французского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Новосибирск, 2006. – 307 с.
8. Дронова Л. П., Яньчунь Лю. Мотивационно-генетическая характеристика лексико-семантического поля «Вред» в русском литературном языке // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 202–213.
9. Земскова Н. А. Языковая личность и концепт «Ложь»: проблема интерпретации // Социальные варианты языка – III : материалы международной научной конференции. – Н. Новгород: НГПУ им. Н. А. Добролюбова, 2004. – С. 370–372.
10. Зиновьева Е. И., Пи Цзянькунь. Параметры лингвокультурологического анализа паремий одного языка на фоне другого (на материале русских и китайских единиц) // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 1. – С. 18–24.
11. Ковшиова М. Л. Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход // Филология и культура. – 2014. – № 4. – С. 115–120.
12. Ма Сянфэй. Стереотипные представления об осадках в русской лингвокультуре на фоне китайской (на материале устойчивых выражений) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – СПб, 2018. – 171 с.
13. Панченко Н. Н. Некоторые универсалии лжи в разных культурах // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. – Волгоград – Архангельск : Перемена, 1996. – С. 230–233.
14. Радичева В. О., Ленец А. В. Структура концепта «LÜGE» (ложь) в немецком языке // Научная мысль Кавказа. – 2012. – № 4. – С. 137–140.
15. Словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, Полиграфресурсы, 1999.

16. Современный китайский словарь (现代汉语词典) / под общ.ред. Лие Шусян, Дин Шушэн (吕叔湘, 丁声树). – Шанхай : Издательство делового печатания (商务应刷出版社), – 2012. – 1790 с.
17. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М. : Астрель, АСТ. – 2008. – 828 с.
18. Хорошуннова И. В. Семантические процессы в лексико-семантическом поле: на материале лексико-семантического поля утилитарной оценки «Польза/Вред»: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Воронеж, 2002. – 344 с.
19. Чэнь Вэйцзя. Вред и польза в представлении русских (по результатам опроса) // Воспитание языкового вкуса студентов в процессе преподавания русской словесности : материалы докладов и сообщений XXIV Международной научно-методической конференции. – СПб : ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2019. – С. 81–85.
20. Яськова А. В., Чжао Хао. Концепты «Ложь», «Обман», «Вранье» в языковом сознании русских и китайцев // Россия – Китай: этнокультурная специфика речевого общения : коллект. моногр. / под общ. ред. Ю. О. Коноваловой, Ю. О. Коновалова, И. В. Андреева, Е. Ю. Гончарук, О. Д. Дербенева и др. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2014. – С. 162–172.

Статья поступила в редакцию 14.06.2019

REFERENCES

1. Agienko M. I. Struktura konceptov «pravda», «istina», «truth» v сопоставител'nom аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Ekaterinburg, 2005. – 220 s.
2. Bajramova L. K. Aksiologicheskaya frazeologicheskaya diada «pravda» – «lozh'»: kul'turologicheskij aspekt // Filologiya i kul'tura. – 2016. – № 2(44). – S. 18–24.
3. Bol'shoj slovar' kitajskih poslovic (中国成语大全) / pod obshch. red. Ven' Duan'chzhen (温端正). – Shanhaj : Izd-vo Cishu (上海辞书出版社), 2013. – 1371 s.
4. Glushkova T. S. Koncept vred v russkom yazyke i osobennosti reklamnogo diskursa // Vestnik Kalmyckogo in-ta gumanitarnyh issledovanij. Yazykoznanie. – 2013. – № 2. – S. 43–47.
5. Dal' V. I. Tolkovoj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t. – M. : OLMA Media Grupp, 2009.
6. Dal' V. I. Poslovicy russkogo naroda : v 2 t. – M. : Hudozhestvennaya literatura, 1984.
7. Dombrovskaya M. V. Koncept «dozhd'» kak komponent nacional'noj kartiny mira (na materiale francuzskogo i russkogo yazykov): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Novosibirsk, 2006. – 307 s.
8. Dronova L. P., Yan'chun' Lyu. Motivacionno-geneticheskaya harakteristika leksiko-semanticheskogo polya «Vred» v russkom literaturnom yazyke // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2017. – № 4. – С. 202–213.
9. Zemskova N. A. Yazykovaya lichnost' i koncept «Lozh'»: problema interpretacii // Social'nye varianty yazyka – III : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – N. Novgorod: NGPU im. N. A. Dobrolyubova, 2004. – S. 370–372.
10. Zinov'eva E. I., Pi Czyan'kun'. Parametry lingvokul'turologicheskogo analiza paremij odnogo yazyka na fone drugogo (na materiale russkih i kitajskih edinic) // Kommunikativnye issledovaniya. – 2016. – № 1. – S. 18–24.
11. Kovshova M. L. Sopostavitel'nyj analiz frazeologizmov: lingvokul'turologicheskij podhod // Filologiya i kul'tura. – 2014. – № 4. – S. 115–120.
12. Ma Syanfej. Stereotipnye predstavleniya ob osadkah v russkoj lingvokul'ture na fone kitajskoj (na materiale ustojchivyh vyrazhenij) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – SPb, 2018. – 171 s.
13. Panchenko N. N. Nekotorye universalii lzhi v raznyh kul'turah // Yazykovaya lichnost': kul'turnye koncepty : sb. nauch. tr. / VGPU, PMPU. – Volgograd – Arhangel'sk : Peremena, 1996. – S. 230–233.
14. Radishcheva V. O., Lenec A. V. Struktura koncepta «LÜGE» (lozh') v nemeckom yazyke // Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2012. – № 4. – S. 137–140.
15. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / Pod red. A. P. Evgen'evoj. – M. : Russkij yazyk, Poligrafresursy, 1999.
16. Sovremennij kitajskij slovar' (现代汉语词典) / pod obshch. red. Lie Shusyan, Din Shushen (吕叔湘, 丁声树). – Shanhaj : Izdatel'stvo delovogo pechataniya (商务应刷出版社), – 2012. – 1790 s.
17. Fyodorov A. I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka. – M. : Astrel', AST. – 2008. – 828 s.
18. Horoshunova I. V. Semanticheskie processy v leksiko-semanticheskome pole: na materiale leksiko-semanticheskogo polya utilitarnoj ocenki «Pol'za/Vred»: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Voronezh, 2002. – 344 s.
19. Chen' Vejezya. Vred i pol'za v predstavlenii russkih (po rezul'tatam oprosa) // Воспитание языкового вкуса студентов в процессе преподавания русской словесности : материалы докладов и сообshchenij XXIV Mezhdunarodnoj nauchno metodicheskoy konferencii. – Spb : FGBOUVO «SPbGUPTD», 2019. – S. 81–85.

20. *Yas'kova A. V., Chzhao Hao.* Koncepty «Lozh'», «Obman», «Vran'e» v yazykovom soznanii russkikh i kitajcev // Rossiya – Kitaj: etnokul'turnaya specifika rechevogo obshcheniya : kollekt. monogr. / pod obshch. red. Yu. O. Konovalovoj, Yu. O. Konovalova, I. V. Andreeva, E. Yu. Goncharuk, O. D. Derbeneva i dr. – Vladivostok : Izd-vo VGUES, 2014. – S. 162–172.

The article was contributed on June 14, 2019

Сведения об авторах

Селиверстова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: selen754@inbox.ru

Чэнь Вэйцзя – аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: 79052080266@yandex.ru

Author information

Seliverstova, Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language for Humanitarian and Natural Science Faculties; Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: selen754@inbox.ru

Chen Weijia – Post-graduate Student, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: 79052080266@yandex.ru